

Порозов Роман Юрьевич,

кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, 26; e-mail: r.porozov@yandex.ru.

КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КАК ИНТЕГРАТОР ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗЕ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: культурная антропология; гуманитарные науки; университет; интеграция.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются актуальные проблемы современных гуманитарных наук в контексте модернизации педагогического образования. В качестве интегратора в педагогическом вузе предлагается дисциплина «культурная антропология», которая может быть использована в процессе подготовки студентов гуманитарных специальностей и направлений. В качестве преимуществ культурной антропологии указаны фундаментальные принципы, выработанные в классической гуманитаристике – принципы культурного релятивизма и антропоцентризма. Выделяется комплекс факторов, внутренних и методологических, которые объективно позволяют выступать культурной антропологии в качестве интегратора гуманитарного образования в системе высшего профессионального образования.

Первая группа факторов основана на внутренней логике эволюции гуманитарного знания и развития собственно культурной антропологии. Вторая группа факторов основана на специфической методологии культурной антропологии, которая обладает свойством так называемой валентности – способностью включаться в уже существующие области научного знания, использовать новые исследовательские стратегии в процессе интерпретации культуротворческой субъектности человека.

Автором предлагается методология и универсальная модель организации культурно-антропологического исследования, которая может быть использована в процессе подготовки студентов гуманитарных специальностей и направлений. Представленная модель описывает культурный феномен в качестве репрезентации культуротворческой субъектности человека. Культуротворческая субъектность определяется в качестве способности человека быть источником познавательной и преобразующей деятельности.

Porozov Roman Yur'evich,

Candidate of Culturology, Associate Professor, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

CULTURAL ANTHROPOLOGY AS INTEGRATOR OF HUMANITARIAN EDUCATION IN HIGHER SCHOOL

KEY WORDS: cultural anthropology, humanities, university, integration.

ABSTRACT. The article deals with urgent problems of the modern humanities in the context of modernization of pedagogical education. Cultural anthropology is viewed upon as a multi-disciplinary integrator in the process of teaching the humanities. This discipline can be used in training students of humanitarian specialties and educational fields. The author specifies the fundamental principles developed by the classical humanities – cultural relativism and anthropocentrism – as the key advantages of cultural anthropology. The article singles out groups of internal and methodological factors which objectively allow cultural anthropology to be a multi-disciplinary integrator of humanitarian education in the process of teaching the humanities in the system of higher professional education.

The first group of factors is based on the internal logic of evolution of the humanitarian knowledge and the development of cultural anthropology proper. The second group of factors is based on specific methodology of cultural anthropology termed “valency” – ability to be included in the existing areas of scientific knowledge and use new research strategies in the process of interpretation of culture creating activity of man.

The author proposes methods and a universal conceptual model of organizing the cultural and anthropological research that can be used in teaching the humanities to students of humanitarian specialties and educational fields. The presented model describes cultural phenomenon as a representation of cultural-creative subjectivity of man. Cultural-creative subjectivity is defined as the person's ability to be a source of cognitive and transformative activity.

Одной общеизвестной, но в то же время тривиальной проблемой, с которой сталкивается современный вуз, является нехватка времени при планировании учебного процесса. Эта проблема усугубляется тем, что вузовская система вынуждена оперативно реагировать на все изменения, которые объективно и субъективно происходят при переходе на новые федеральные образовательные стандарты. Зачастую «ре-

акция» академической среды, и здесь необходимо в этом откровенно признаться, носит не столько запоздалый характер, сколько основана на восприятии нововведений в качестве насильственной меры.

Особенно остро подобные противоречия ощущаются в системе подготовки студентов гуманитарных специальностей. Однако можно попытаться минимизировать негативное воздействие указанных противоречий при

условии объединения ряда смежных гуманитарных дисциплин в одну общую, которая за счет синергетического эффекта сможет увеличить их педагогический и эвристический потенциал. В качестве интегратора гуманитарного образования мы предлагаем конкретную дисциплину – культурную антропологию. В пользу нашего предложения и выбора есть ряд разумных доводов, которые мы попробуем аргументировать. Педагогический потенциал культурной антропологии как интегратора гуманитарного образования в высшем учебном заведении обусловлен, на наш взгляд, двумя группами факторов – внутренними и методологическими.

Первая группа факторов, обозначенных нами в качестве внутренних, основана на внутренней логике развития собственно культурной антропологии. Становление культурно-антропологического знания, или история культурной антропологии, объективировано попыткой ответить на онтологический вопрос «что есть человек?». Здесь же следует подчеркнуть тождественность понятий в двух языковых традициях – *homo* (в латинской) и *άνθρωπος* (в греческой), – каждое из которых в русском языке переводится одним словом – «человек». Соответственно, антропология уже по факту этимологического родства имеет право выступать в качестве интегратора гуманитарного знания, по-другому «знания о человеке». Однако классическое определение антропологии как «науки о человеке» не может нами безоговорочно приниматься в силу своей размытости. На наш взгляд, определение антропологии в целом и культурной в частности должно базироваться на дисциплинарном объекте и исходить непосредственно из него. В качестве объекта антропологии мы заявляем интерпретацию субъектности человека. Отличительной чертой непосредственно антропологического знания и его принципиальным отличием от других научных парадигм, которые также могут обращаться к феномену человека, является интерес к его субъектности. К подобным выводам приходил, в частности, культурно-антрополог-просветитель К. Клакхон [6, с. 22–23] и основоположник антропогеографии Ф. Ратцель [9, с. 3], К. Леви-Стросс [7, с. 399]. Здесь «субъектность» человека понимается в традиции, предложенной отечественным психологом и философом С. Л. Рубинштейном: «Человек как субъект действия и познания – это сознательное существо, сущее, обладающее сознанием» [10, с. 340]. Субъектность человека обусловлена следующими факторами: сознанием, познанием, деятельностью.

Фактор сознания – это стимул для человека «открывать» внешний мир. Именно

фактор сознания позволяет человеку чувствовать свою субъектность. Данный фактор также организует дистанцию (видовую и социокультурную) между человеком и «другим».

Фактор познания, в свою очередь, иницирует теоретический и практический инструментарий, который позволит выработать «идеальные (т. е. наиболее благоприятные для человека) схемы» отношений с окружающим пространством.

Фактор деятельности определяет условия достижения практической цели, необходимой для удовлетворения соответствующей потребности. Следует также отметить, что указанные факторы становления субъектности человека носят характер *взаимоподкрепления*. Они не существуют изолированно друг без друга и развиваются исключительно в условиях взаимной корректировки. Действительно, что есть деятельность без познания? Это активность, которая стихийна по своему характеру; она лишена какой-либо идейной составляющей. Аналогичным образом сознание без деятельности, с одной стороны, не позволяет последнему развиваться адекватно средовым условиям, с другой – сознание эксплицитно существует благодаря деятельности. Итак, в широком смысле *субъектность человека определяется как свойство быть источником познавательной деятельности*. Аналогичные и близкие к рассматриваемой трактовке «субъектности» мы обнаруживаем и в других научных интерпретациях: политологической (субъект права), социологической (субъект общественных отношений), психологической (структура личности/субъекта), историографии (субъект исторического познания) и пр.

Приведенные аргументы позволяют нам представить общее определение антропологии как интегратора «наук о человеке». Антропология – это *интегративная наука о человеке как субъекте сознательной и предметно-практической деятельности*. Дисциплинарные «решения», или парадигмы, антропологического знания (биологическая, философская, социальная, культурная) формулируются благодаря следующим условиям:

- аналитическому инструментарию (средствами и техниками, которыми пользуется исследователь с целью обоснования «специфической природы человека»);

- предмету исследования (обособленный, аспекттивный взгляд на то, как репрезентирована, представлена природа человека; например, в биологическом, культурном, социальном, политическом мире и т. п.).

Имея генерализованное определение антропологической науки, мы можем пред-

ложить частную дефиницию уже культурной антропологии. Культурная антропология может определяться нами в качестве дисциплины, целью которой является *интерпретация культуротворческой субъектности человека*. Представление о культуротворческой субъектности человека наиболее адекватно, на наш взгляд, сформулировано П. Сорокиным. Исследователь утверждал, что человек «рассматривается как родовой и многогранный homo, одновременно и нераздельно экономический, политический, религиозный, этический, художественный, частью рациональный и утилитарный, частью нерациональный и даже иррациональный и при всем при этом отличающийся непрерывным взаимодействием всех этих аспектов» [11, с. 161].

Культуротворческая субъектность человека – это способность преобразовать окружающее пространство в соответствии со своими культурными – ценностными и нормативными – установками. И, соответственно, задачей культурантрополога является понять причины и условия реализации культуротворческой субъектности человека, которая репрезентируется в «мире вещей» и «мире идей». Таким образом, фундаментальные принципы гуманитарной науки – интерпретация опыта бытия человека – совпадают с установками, выработанными в контексте культурной антропологии.

Вторая группа факторов, которая позволяет определять культурную антропологию в качестве интегратора гуманитарного образования в системе высшего профессионального образования, обозначена нами как методологическая. Методология культурной антропологии, и это ее специфическая черта, обладает свойством *валентности* – способностью включаться в уже существующие области научного знания, использовать новые исследовательские стратегии в процессе интерпретации культуротворческой субъектности человека. Методология культурно-антропологического исследования носит системный и многоуровневый характер.

Методологический потенциал культурно-антропологического исследования обусловлен принципом, специфику которого можно обозначить термином *принцип культурного релятивизма*. Необходимо отметить, что рассматриваемый принцип был разработан непосредственно в рамках культурной антропологии, но в дальнейшем был заимствован и другими социально-гуманитарными науками. Принцип культурного релятивизма первоначально разрабатывался американским антропологом Ф. Боасом. «Различные расы обнаруживают различия... из специфических признаков

человека некоторые всего более развиты у одной расы, а некоторые – у другой. Затем, выяснилось, что не существует прямого соответствия между физическими свойствами тела и умственными дарованиями» [2, с. 133]. Заявленный принцип определяет, во-первых, самоценность конфигурации конкретной культурной системы (этнической, национальной, исторической, религиозной и пр.), а во-вторых, относительность и обусловленность существования этой системы той средой и факторами, в которой она функционирует. С момента принятия принципа релятивизма происходит кристаллизация методологии культурно-антропологического исследования как автономной научной стратегии. К этому времени также относится появление специализированных учебных и профессиональных институций в различных национальных образовательных традициях – ассоциаций, факультетов, кафедр, обществ.

Вместе с тем одним из основополагающих принципов, на котором строится методология культурно-антропологического исследования, является принцип *антропоцентризма*. В данном случае человек рассматривается как единственный и исключительный субъект культуры (т. е. «тот, кто производит действие»). В данном случае понятие «единственный и исключительный субъект культуры» близко к тезису Г. Гегеля: «...только человек впервые поднимается от единичности ощущения к всеобщности мысли, к знанию о самом себе, к постижению своей субъективности, своего “я”, – одним словом, только человек есть мыслящий дух и этим – и притом единственно только этим – существенно отличается от природы» [4, с. 40].

Имея генетические связи с другими социально-гуманитарными исследовательскими традициями, именно культурно-антропологическая с первых лет своего существования выдвинула категорию, которая становится фокусом ее внимания – *инаковость*. Если сделать попытку редукции методологии культурно-антропологического исследования, то она может быть сведена к следующему вопросу, который попытались сформулировать первые культурантропологи: почему та или иная культура отличается от моей родной? Естественно, первые попытки ответить на этот вопрос носили стихийный или мифопоэтический характер (например, в работах Геродота [5], Фукидида [13]). Но сама постановка вопроса вынуждает искать объяснения, которые привели в дальнейшем к эволюции и трансформации самой методологии культурно-антропологического исследования. Если мы попытаемся проследить ход эво-

люции и трансформации методологии от так называемого «жанра путевых заметок» (первых попыток записи «экзотических культур» торговцами, мореплавателями, миссионерами и т. д.) к системным и оформленным теориям, которые начали появляться со второй половины XIX в., то она была детерминирована именно попытками обосновать данную категорию. В дальнейшем образование специальных профессиональных институций позволило данным исследованиям выйти на качественно иной методологический уровень – от дескрипции феноменологии культуры, т. е. описания, классификации и систематизации, к возможности интерпретации процессов культуры и управления ими. Высказываемые соображения позволили нам сформулировать модель культурно-антропологического исследования, которая, как нам кажется, может быть использована – при доработке – в рамках других дисциплин гуманитарной направленности.

Несмотря на то что в истории культурно-антропологических исследований, как и любых других, можно отметить смену и доминирование определенных парадигм (эволюционизм, диффузионизм, функционализм, структурализм и пр.), может быть предложена универсальная методологическая модель подобного типа исследований. Предлагаемая модель предполагает выделение таких уровней, которые позволяют осуществить комплексное и системное культурно-антропологическое исследование. Если до этого момента методология культурно-антропологического исследования с нашей стороны обосновывалась только на уровне пропозиций – общих суждений, то здесь предлагается конкретная методологическая модель культурно-антропологического исследования, а также стратегия его реализации.

Любая методологическая модель представляет собой результат абстрагирования – выделения конкретных элементов из определенного множества и их рассмотрения [8, с. 2]. Соответственно, когда мы говорим о методологии культурно-антропологического исследования, под «выделением и конкретными элементами их рассмотрением» подразумевается культуротворческая субъектность человека, в то время как «определенное множество» – это мир культуры в целом. *Целью создания* методологической модели должна быть попытка интерпретации генезиса, функционирования и трансформации культуротворческой субъектности человека, что составляет суть культурно-антропологического исследования.

Мы исходим из убеждения, что методология культурно-антропологического ис-

следования основана на концептуализации так называемых измерений, культуротворческой субъектности человека. Каждое из предлагаемых измерений, в свою очередь, основано на реализации конкретного типа связей, инициирующих культуротворческую субъектность человека по освоению пространства, в котором он существует. Конкретному измерению соответствует определенный тип феноменологии культуры и репрезентаций (материальных и духовных).

Методология культурно-антропологического исследования, предлагаемого к осуществлению на основе выдвинутой модели, подразумевает следующие этапы и процедуры: во-первых, выделение измерения, в котором реализуется культуротворческая субъектность человека; во-вторых, соотнесение конкретной феноменологии и репрезентаций культуры с рассматриваемым измерением культуротворческой субъектности человека; в-третьих, концептуализацию и применение инструментария, позволяющего интерпретировать генезис, функционирование и трансформацию культуротворческой субъектности человека.

Таким образом, может быть представлен и описан так называемый «жизненный цикл» методологии культурно-антропологического исследования. Выделение того или иного уровня, на котором реализуется культуротворческая субъектность человека, обосновано за счет действия определенных факторов и условий, окружающих человека – природных (макроуровень), социальных (мезоуровень), индивидуальных (микроуровень). Культуротворческая субъектность человека объективируется в том случае, когда он сталкивается с данными факторами и условиями непосредственно либо в сочетании. В данном случае мы делаем попытку рассмотреть эти измерения изолированно – в «чистом виде», как «идеальный тип» (в терминологии М. Вебера). «Идеальнотипические абстракции, весьма редко встречающиеся в исторической реальности. Ибо именно *потому*, что в исторической действительности невозможно провести четкие границы, мы можем обнаружить специфические их свойства лишь в том случае, если исследуем их наиболее *ярко выраженные* формы» [3, с. 137]. Эвристический потенциал культурно-антропологического исследования увеличивается благодаря сочетаемости различных измерений и инструментов их концептуализации.

Макроуровень культурно-антропологического исследования формируется по типу связей «человек – природа». Процесс взаимодействия человека с природным пространством (его доместикация, *культурализация – превращение природных единиц*

в культурные) должен быть первоосновой для культурно-антропологического исследования, поскольку, сталкиваясь с последними, культуротворческая субъектность репрезентируется в феноменах, являющихся фундаментом для социокультурной группы – *космологических представлениях*. При этом следует заметить на примере антропогенного ландшафта, что субъектность принимает абсолютные формы – то, что выразил историк религии и мифологии М. Элиаде, когда говорил о «нашем мире, находящимся всегда в центре» [15, с. 34]. Концептуализация данного измерения действительно важна, так как в процессе столкновения с природой человек впервые осознает себя в качестве «царя природы», *единственного и исключительного субъекта культурогенеза*. В процессе взаимодействия с природой, в какой бы форме или модальности оно ни происходило – сосуществования ли, покорения – *происходит формирование «базового культурного тезауруса»*, т. е. тех принципов, которые позволили человеческой популяции выжить в конкретных природных реалиях.

Инструментарий, используемый для концептуализации макроуровня, с целью интерпретации культуротворческой субъектности человека, которая объективируется в процесс взаимодействия последнего с миром природы, включает следующие методологические основания: *принцип географического детерминизма, факторный анализ, анализ артефакта*. Конечно, методологический инструментарий может быть расширен и дополнен, если он послужит цели объяснить процесс формирования и репрезентации культуротворческой субъектности человека в процессе взаимодействия последнего с «первым миром».

Мезоуровень культурно-антропологического исследования конституируется в процессе взаимодействия человека с социальной реальностью (тип связей «человек – общество»). В методологическом отношении внимание к данному уровню позволяет интерпретировать культуротворческую субъектность человека, которая формируется и трансформируется во взаимодействии человека с миром людей. Антрополог Л. Уайт назвал культуру «формой социальной наследственности» [12, с. 439]. Находясь в контексте социальной системы, культуротворческая субъектность человека подчиняется принятым *формам нормативного поведения и общепринятым суждениям по отношению к целям, т. е. ценностям*. Несмотря на свою индивидуальную природу, человек подчиня-

ется нормам санкционированного и социально одобряемого поведения.

Инструментарий, используемый для концептуализации мезоуровня с целью интерпретации культуротворческой субъектности человека, которая объективируется в процессе взаимодействия последнего с социальным миром, традиционно строится на социологических методах – качественных (феноменологических) и количественных (статистических).

Микроуровень является результатом саморефлексии, внутренним диалогом человека с самим собой (тип связей «человек – человек / “я сам”»). В процессе диалога у человека формируется и усложняется картина мира. Внешне лакунарный, на личностном уровне он носит динамический характер. Концептуальное видение данного уровня репрезентации культуротворческой субъектности человека основано на представлениях отечественного философа и исследователя литературы М. Бахтина, который выделял так называемый «диалогизованный внутренний монолог» – «напряженный и принципиальный внутренний диалог, диалог последних вопросов и последних жизненных решений» [1, с. 86].

В качестве инструментария, позволяющего интерпретировать данный уровень репрезентации культуротворческой субъектности человека, заявляются методы критического мышления, основанные на логике философской и психологической парадигм и, в широком смысле, герменевтике (в понимании Ф. Шлейермахера [14]).

Предлагаемая модель культурно-антропологического исследования носит дискуссионный характер, и мы, естественно, видим ее недостатки и упущения, главным из которых является ее «излишний глобализм» и «попытка объять необъятное». Однако «плюсы», которые, возможно, предлагает настоящая модель, перекрывают, на наш взгляд, «минусы». Методологический потенциал модели, на наш взгляд, может быть подтвержден при анализе как сложных социокультурных систем (этнических, исторических, религиозных), так и отдельных феноменов культуры (артефактах, нематериальных репрезентаций), рассматриваемых в контексте культурно-антропологического исследования. При подготовке студентов гуманитарных специальностей данная модель, при ее соотнесении с профессиональной спецификой аудитории, позволяет интегрировать полученные теоретические знания и верифицировать их в процессе опытно-поисковой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 4-е. М. : Сов. Россия, 1979.
2. Боас Ф. Ум первобытного человека / пер. с англ. Водена А. М. М. : Гос. из-во, 1926.

3. Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. М. : Прогресс, 1990.
4. Гегель Г. В. Ф. *Философия духа* // Сочинения. М., 1956. Т. 3.
5. Геродот. *История*. М. : ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2004.
6. Клакхон К. *Зеркало для человека. Введение в антропологию* / пер. с англ. под ред. канд. филол. наук А. А. Панченко. СПб. : Евразия, 1998. 352 с.
7. Леви-Стросс К. *Структурная антропология* / пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.
8. *Новейший философский словарь* / сост. А. А. Грицанов. Минск : Изд. В. М. Скакун, 1998.
9. Ратцель Ф. *Народоведение*. Т. 1. СПб., 1904.
10. Рубинштейн С. Л. *Проблемы общей психологии*. М. : Педагогика, 1973.
11. Сорокин П. А. *Человек. Цивилизация. Общество* : пер. с англ. / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Союмонов. М. : Политиздат, 1992.
12. Уайт Л. *Энергия и эволюция культуры* // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. СПб. : Университетская книга, 1997.
13. Фукидид. *История* / пер. с греч. Ф. Г. Мищенко, С. А. Жебелёва ; под ред. Э. Д. Фролова. СПб. : Наука, 1999. 590 с.
14. Шлейермахер Ф. *Герменевтика* / пер. с нем. А. Л. Вольского ; науч. ред. Н. О. Гучинская. СПб. : Европейский Дом, 2004.
15. Элиаде М. *Священное и мирское* / Пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. М. : Изд-во МГУ, 1994.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo*. Izd. 4-e. M. : Sov. Rossiya, 1979.
2. Boas F. *Um pervobytnogo cheloveka* / per. s angl. Vodena A. M. M. : Gos. iz-vo, 1926.
3. Veber M. *Izbrannye proizvedeniya* : per. s nem. / sost., obshch. red. i poslesl. Yu. N. Davydova ; predisl. P. P. Gaydenko. M. : Progress, 1990.
4. Gegel' G. V. F. *Filosofiya dukha* // Sochineniya. M., 1956. T. 3.
5. Gerodot. *Istoriya*. M. : OLMA-PRESS Invest, 2004.
6. Klakkhon K. *Zerkalo dlya cheloveka. Vvedenie v antropologiyu* / per. s angl. pod red. kand. filol. nauk A. A. Panchenko. SPb. : Evraziya, 1998. 352 s.
7. Levi-Stross K. *Strukturnaya antropologiya* / per. s fr. Vyach. Vs. Ivanova. M. : Izd-vo EKSMO-Press, 2001.
8. *Noveyshiy filosofskiy slovar'* / sost. A. A. Gritsanov. Minsk : Izd. V. M. Skakun, 1998.
9. Rattsel' F. *Narodovedenie*. T. 1. SPb., 1904.
10. Rubinshteyn S. L. *Problemy obshchey psikhologii*. M. : Pedagogika, 1973.
11. Sorokin P. A. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* : per. s angl. / obshch. red., sost. i predisl. A. Yu. Soyumonov. M. : Politizdat, 1992.
12. Uayt L. *Energiya i evolyutsiya kul'tury* // Antologiya issledovaniy kul'tury. T. 1. Interpretatsii kul'tury. SPb. : Universitetskaya kniga, 1997.
13. Fukidid. *Istoriya* / per. s grech. F. G. Mishchenko, S. A. Zhebeleva ; pod red. E. D. Frolova. SPb. : Nauka, 1999. 590 s.
14. Shleyermakher F. *Germenevtika* / per. s nem. A. L. Vol'skogo ; nauch. red. N. O. Guchinskaya. SPb. : Evropeyskiy Dom, 2004.
15. Eliade M. *Svyashchennoe i mirskoe* / Per. s fr., predisl. i komment. N. K. Garbovskogo. M. : Izd-vo MGU, 1994.

Статью рекомендует д-р культурологии, проф. И. Я. Мурзина.